

RU

Индивидуальная идентичность в зеркале ностальгии: автобиографическая память как социальный конструкт

Головань А. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление роли ностальгии как механизма, обеспечивающего формирование и поддержание индивидуальной идентичности через взаимодействие автобиографической памяти с коллективными культурными нарративами. В статье показано, что ностальгия не только выполняет функцию эмоциональной связи с прошлым, но и служит инструментом реконфигурации личного опыта в рамках социальных и культурных кодов. Рассматриваются теоретические подходы исследователей к изучению взаимодействия личной и коллективной памяти, а также примеры формирования ностальгического контекста вокруг медийных образов, где культурные явления становятся посредниками в процессах осмысления и репрезентации биографической памяти, превращая ее в динамический социальный конструкт. Новизна работы заключается в акценте на ностальгии как активной практике идентификационного характера, которая позволяет индивиду интегрировать личные воспоминания в более широкий контекст коллективной памяти. В результате проведенного анализа установлено, что ностальгия выступает не только эмоциональной реакцией на утрату, но и продуктивным инструментом формирования идентичности, позволяющим совмещать индивидуальные переживания и культурные сценарии, а также поддерживать устойчивость личности в условиях социальной и исторической изменчивости.

EN

Individual identity in the mirror of nostalgia: autobiographical memory as a social construct

A. V. Golovan

Abstract. The aim of the study is to identify the role of nostalgia as a mechanism that ensures the formation and maintenance of individual identity through the interaction of autobiographical memory with collective cultural narratives. The article shows that nostalgia not only serves as an emotional connection to the past, but also as a tool for reconfiguring personal experience within social and cultural codes. The theoretical approaches of researchers to the study of the interaction of personal and collective memory are considered, as well as examples of the formation of a nostalgic context around medial images, where cultural phenomena become intermediaries in the processes of comprehension and representation of biographical memory, turning it into a dynamic social construct. The novelty of the work lies in the emphasis on nostalgia as an active practice of an identifiable nature that allows the individual to integrate personal memories into the broader context of collective memory. As a result of the analysis, it was found that nostalgia acts not only as an emotional reaction to loss, but also as a productive tool for the formation of identity, which allows combining individual experiences and cultural scenarios, as well as maintaining personality stability in conditions of social and historical variability.

Введение

Исследователи (Молчанова, 2019; Нуркова, 2009) все более активно обращаются к проблеме соотношения индивидуального и коллективного уровней воспоминаний. В этом контексте особое значение приобретает феномен ностальгии, который долгое время рассматривался преимущественно как эмоциональное состояние тоски по утраченному прошлому, но в культурологических и социологических теоретических работах (Sedikides, Wildschut, Baden, 2004; Pickering, Keightley, 2006) трактуется как продуктивный социальный и символический ресурс. Проблема заключается в том, что автобиографическая память, формирование и поддержание чувства идентичности, никогда не является чисто индивидуальной и константной, хоть и имеет прямое

отношение к эго-истории (McAdams, 2003; Садмен, Брэдберн, Шварц, 2002). Память человека формируется и структурируется в поле существующих в определенный исторический момент коллективных нарративов и культурных матриц, задающих схемы интерпретации прошлого. Здесь ностальгия предстает не только как эмоциональное переживание утраты, но и как особый медиатор между личной памятью и коллективной, который позволяет субъекту закрепить свое «я» в социально значимых образах прошлого.

Актуальность темы обусловлена ростом интереса к исследованиям памяти (memory studies) в условиях глобальных кризисов и трансформаций идентичности. Ностальгия становится ключевым инструментом «сборки» биографического опыта и одновременно способом интеграции личности в коллективные культурные сценарии.

Для разработки обозначенной темы исследования были определены следующие задачи:

- выявить, каким образом ностальгия влияет на реконфигурацию автобиографической памяти;
- проследить механизмы взаимодействия индивидуальных воспоминаний с культурно значимыми образами;
- показать роль ностальгии в процессах поддержания идентичности личности;
- рассмотреть примеры трансформации индивидуальной памяти в социальный конструкт под воздействием массовой культуры.

Методы исследования: 1) дискурсивный анализ, позволяющий рассматривать ностальгию как социокультурный феномен, проявляющийся в языковых и визуальных формах коллективной памяти, а также выявить механизмы трансформации индивидуальных воспоминаний в элементы культурного нарратива; 2) феноменологический метод, дающий возможность исследовать внутренний опыт ностальгии как модус переживания времени и самоидентификации; 3) герменевтический подход, используемый для интерпретации культурных текстов и медийных практик, в которых проявляется ностальгия как инструмент поддержания идентичности и социальной преемственности.

Теоретическая база исследования включает совокупность трудов, посвященных проблеме памяти, идентичности и ностальгии в социально-культурном контексте. Основу работы составляют исследования М. Хальбвакса (2007), впервые определившего память как социальный конструкт. Концепция Яна и Алеиды Ассман (2004) о культурной и коммуникативной памяти позволила рассматривать индивидуальное воспоминание как элемент более широкой культурной системы, в которой прошлое структурируется через символы, тексты и ритуалы. Важное значение имеют идеи Пьера Нора (Нора, Озуф, Пюимеж и др., 1999) о «местах памяти», акцентирующие внимание на институционализированных формах сохранения прошлого и на механизмах его медийного репродуцирования. С позиции психологии памяти исследование опирается на труды Мартина Конвея (Conway, 1996), разработавшего концепцию автобиографической памяти как нарративной структуры, обеспечивающей когнитивную и эмоциональную непрерывность субъекта. Особое внимание уделяется теории Светланы Бойм (2021), предложившей типологию ностальгии, которая служит методологическим инструментом анализа способов обращения к прошлому в современном культурном пространстве.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов при анализе культурных практик памяти, в исследованиях коллективной и индивидуальной идентичности, в разработке программ по сохранению культурного наследия, а также в широком гуманитарном образовании – при изучении медийных репрезентаций прошлого и ностальгического дискурса в массовой культуре.

Обсуждение и результаты

В контексте исследовательского поля memory studies, определяющим принципом для которого является интерпретация памяти не в качестве замкнутой и статичной структуры, а в качестве динамического процесса образования значений и ценностей, автобиографическая память также проявляется как возобновляемая и постоянно переосмысливающая себя категория.

Здесь важно обратиться непосредственно к социальному и историческому аспектам автобиографической памяти, поскольку понимание ее как социального конструкта позволяет глубже осмыслить механизмы формирования и поддержания идентичности, в которых память оказывается не столько хранилищем прошлого и коллекцией воспоминаний, сколько активным посредником между индивидуальным и коллективным.

Согласно М. Хальбваксу (2007), память индивида с самого начала «встроена» в пространство групповых представлений и символов; человек запоминает и реконструирует свое прошлое, опираясь на коллективные схемы, принятые в сообществе. Эти схемы – языковые, визуальные, ритуальные – не только задают рамки допустимого воспоминания, но и обеспечивают его «смысловое наполнение», позволяя отдельному событию прошлого обрести значение в культурном контексте. В результате автобиографическая память не сводится к «чистому» индивидуальному опыту, а всегда соотносится с культурными кодами, ценностями и историческими нарративами общества.

Одним из наиболее влиятельных продолжателей и приверженцев идеи о социальной природе памяти был Я. Ассман, который ввел различие между «коммуникативной» и «культурной» памятью. По Ассману (2004), память не является просто отражением прошлого, а конструируется в обществе посредством ритуалов, обрядов, текстов и символов, которые обеспечивают передачу и сохранение смыслов из поколения в поколение. Индивидуальные воспоминания обретают структуру и устойчивость лишь благодаря тому, что укоренены в этих культурных моделях коллективного воспоминания.

Значительный вклад в развитие представлений о памяти как социальном конструкте внес также Пьер Нора (Нора, Озуф, Пюимеж и др., 1999). В своей концепции «мест памяти» (*lieux de mémoire*) он подчеркивает, что память не является лишь внутренним актом сознания, а закрепляется и поддерживается благодаря материальным и символическим объектам: архивам, памятникам, датам, ритуалам. Для Нора «места памяти» возникают как ответ на кризис живой коллективной памяти. Здесь память предстает как культурный конструкт, результат целенаправленной социальной деятельности, отражающий не столько прошлое «как оно было», сколько способы его коллективного осмысления.

В совокупности взгляды этих исследователей подчеркивают: автобиографическую память нельзя сводить к индивидуальному опыту или психологическим процессам, поскольку она формируется и переопределяется в культурных, символических и социальных практиках, где личное и общественное, прошлое и настоящее вступают в сложный диалог, порождая уникальные конфигурации идентичности и исторического сознания.

С другой стороны, автобиографическая память, помимо своей социальной функции, поддерживает и иные стратегии формирования идентичности, например, исследователи отмечают (Василевская, 2016; Нуркова, 2009) ее директивную функцию. Автобиографическая память предоставляет субъекту возможность анализировать прошлые переживания с новых точек зрения, возникающих при решении сложных задач или прогнозировании будущих сценариев. Применение накопленного опыта для формирования когнитивной модели, объясняющей поведение окружающих, и прогнозирования их поступков обеспечивает адаптивность при конструировании гипотетической модели мира и его правил благодаря соотнесению различных эпизодов прошлого с установленными нормами. В сложных обстоятельствах люди обращаются к воспоминаниям о прошлых событиях, извлекая из них эмпирически усвоенные уроки. Этот процесс способствует адаптации и принятию обоснованных решений в настоящем – это будет принципиально важным в определении роли ностальгии в диалоге между индивидуальной и коллективной памятью.

Существенным фактом с точки зрения формирования идентичности становится когнитивная природа автобиографической памяти по терминологии М. Конвея (Conway, 1996; 2001). В своих работах он рассматривает автобиографические воспоминания как сложную систему ментальных саморепрезентаций, основанных на автобиографическом знании (информации индивида о себе самом), которые функционируют как база данных, являясь ключевым элементом в формировании идентичности и обеспечивая психологическую связь между личной историей и историей индивида как члена социума. Автобиографическое знание содержит информацию о самовосприятии индивида, позволяя ему понимать свое прошлое, настоящее и потенциальное будущее. Так, автобиографическая память, рассматриваемая как когнитивный феномен, проявляется в индивидуальных воспоминаниях и, будучи интегрированной в культурный и социальный контекст, начинает являть собой источник для исторических исследований.

Важно также отметить динамическую природу автобиографической памяти. Как было заявлено, ее структура и содержание изменяются под влиянием доминирующих исторических интерпретаций, медиадискурса, общественных ритуалов памяти, образовательных практик. Таким образом, можно предположить, что в рамках автобиографического воспоминания человек не только «вспоминает» события своей жизни, но и реконструирует их в соответствии с социально значимыми образами и сюжетами. Этот процесс одновременно индивидуален и коллективен: личная история оказывается «втянутой» в большие культурные нарративы, а индивидуальное «я» формируется через взаимодействие с образом «мы», сопряжение с образом Другого (McAdams, 2003).

Можно привести следующие примеры формирования воспоминаний как части актуальных социальных нарративов. Так, для многих людей, чья юность или зрелые годы пришлись на эпоху перестройки, этот период символизировал время надежд, раскрепощения, прилива творческой энергии, появления новых форм самовыражения и ощущения приобщенности к «мировому контексту». Эти воспоминания питались теледебатами, публикациями, документальными фильмами и юбилейными программами, где позднесоветское время рисовалось как рубеж между прошлым и будущим. Однако параллельно существовал и другой пласт воспоминаний, укрепляемый нарративами разочарования и тревоги: крах идеалов, экономический кризис, разрушение привычных социальных связей и массовая неуверенность в завтрашнем дне. С течением времени преобладание в медиаполе то героико-романтической, то травматической интерпретации перестройки напрямую влияло на то, какие именно эпизоды и образы индивидуальной памяти становились центральными.

Сходный механизм можно увидеть и в воспоминаниях поколения «детей оттепели», для которых конец 1950-х и 1960-е годы олицетворяли период личной и общественной свободы, культурного подъема и веры в гуманистические идеалы. В их автобиографической памяти эти годы окрашены символами культурных открытий – поэзии Е. Евтушенко и А. Вознесенского, первых выставок неофициального искусства, обсуждений новых книг и фильмов. Однако для части этого же поколения, спустя десятилетия, оттепель стала ассоциироваться с чувством обманутых надежд: политическая либерализация оказалась ограниченной, а волна энтузиазма сменилась разочарованием и новым витком цензуры. Переосмысление этого периода происходило под воздействием исторических исследований, документалистики, юбилейных публичных мероприятий, а также школьных и вузовских курсов, в которых оттепель то романтизировалась, то критически демифологизировалась.

Таким образом, автобиографическая память оказывается встроенной в широкий культурный контекст, в котором индивидуальное и коллективное находятся в постоянном диалоге. Личные воспоминания не просто хранятся в сознании, а формируются и трансформируются в зависимости от того, как прошлое коллективно интерпретируется и переосмысливается обществом. Здесь представляется возможным по праву определить

ностальгию в качестве медиатора между личным опытом и коллективными нарративами, поскольку ностальгия структурирует и конфигурирует воспоминания, превращая их из разрозненных фрагментов в более или менее связанное представление о собственной биографии и идентичности.

Несмотря на то, что традиционно ностальгию рассматривали преимущественно как индивидуальное чувство тоски по утраченному дому, времени или идеализированному прошлому, современные исследования памяти, в частности работы С. Бойм (2021), предлагают гораздо более сложное и многослойное понимание этого феномена. Сегодня ностальгия рассматривается не только как частная эмоция, но и как важнейший культурный и социальный механизм, через который современное общество осмысляет себя и конструирует собственное настоящее. Обращение к прошлому в ностальгических практиках и нарративах становится способом артикуляции индивидуальной и коллективной идентичности, переосмысления исторического опыта и создания символических опор для восприятия настоящего.

Очевидно, что такого рода ностальгия как специфический структурирующий механизм играет ключевую роль в процессе селекции, интерпретации и символической реконструкции, детерминированном как культурными паттернами, так и социальным контекстом настоящего: она задает эмоционально-оценочный ракурс воспоминаний, в котором отдельные фрагменты биографического опыта приобретают особую значимость. Сама ностальгия перестает быть лишь пассивным воспоминанием о прошлом и превращается в активный ресурс культурного проектирования и самоопределения, проявляющийся в интеграции локальных и личных историй в более широкие транснациональные нарративы.

Более того, ностальгия не только окрашивает воспоминания в теплые тона ретроспективного идеала, но и выполняет структурирующую функцию «редактора» воспоминаний: в стремлении к смысловой целостности она объединяет разнородные элементы прошлого в относительно связный нарратив. Этот нарратив, однако, не является изолированным или субъективным в чистом виде: он формируется в процессе постоянного соотнесения личного прошлого с теми культурными кодами, образами и мифологемами, которые признаны коллективно значимыми. Например, воспоминания о «детстве» или «юности» чаще всего интерпретируются через культурно транслируемые представления о «золотом времени», которое существует не только в сознании индивида, но и в массовой культуре, медиа, литературе и кинематографе. Характерным примером может служить советская эпоха, а именно массовая ностальгия по 1960-1970-м годам, которые в коллективной памяти часто закреплялись как «времена стабильности». Даже те, чье детство прошло в этот период, нередко вспоминают его не столько через реальные бытовые трудности, дефициты или идеологическое давление, сколько через образы из популярных фильмов («Ирония судьбы», «Приключения Шерлока Холмса»), детских книг и мультфильмов, музыкальных шлягеров и визуальных символов той эпохи (новогодние елки, школьная форма, дворовые игры). Эти воспоминания поддерживаются и воссоздаются массовой культурой постсоветского времени – от телепрограмм и ретро-фестивалей до сувенирной продукции и ностальгических интернет-сообществ, где воспоминание о «беззаботном советском детстве» функционирует как общий культурный код и символ утратившегося чувства единства.

Так, ностальгия становится инструментом, с помощью которого человек не просто вспоминает, но и идентифицирует себя: она соединяет личный опыт с коллективной памятью, обеспечивая чувство непрерывности и укорененности в культурном пространстве. Через ностальгическое воспоминание субъект подтверждает свою принадлежность к определенной социальной группе, эпохе или поколению, а значит, укрепляет свою идентичность в ее социальном измерении (Абрамов, 2012).

Кроме того, ностальгия выполняет компенсаторную функцию: в условиях перемен, кризисов и культурной нестабильности она помогает сохранить чувство целостности и устойчивости идентичности, предлагая прошлое как опору и источник символических ресурсов. При этом именно коллективные нарративы задают структуру того, «о чем» и «как» допустимо ностальгировать: например, образы «стабильности» позднесоветского времени или идеализированное представление о «провинциальном детстве» становятся элементами, из которых конструируется индивидуальное воспоминание. Характерный пример того, как ностальгия проявляется и усиливается в момент индивидуального и коллективного кризиса, можно было наблюдать в период пандемии COVID-19 и связанной с ней изоляции (Wulf, Breuer, Schmitt, 2022). Когда привычный ритм жизни оказался нарушен, многие люди обратились к воспоминаниям о «нормальной» жизни, предшествовавшей пандемии, как к эмоциональной опоре и способу вернуть чувство стабильности и контроля. В социальных сетях и медиа резко возросло количество постов, посвященных ностальгическим образам допандемийного времени, они выполняли важную психологическую функцию: помогали преодолеть тревогу перед неопределенностью будущего, конструируя ощущение непрерывности личной истории и возвращая к опыту, в котором человек ощущал себя «целостным» и защищенным.

Выделим также такую особенность ностальгии как эмоционально-когнитивного механизма (Щедрина, 2020), которая заключается в том, что она делает возможным внутренний диалог между «я настоящим» и «я прошлым». В этом диалоге индивидуальное воспоминание, подчиненное ностальгическому модусу, приобретает новый смысл, а субъективное прошлое становится источником не только самопонимания, но и ценностного самоутверждения.

Рассмотрев, каким образом ностальгия структурирует субъективное прошлое и превращает его в связный нарратив, обратимся к взаимосвязи между индивидуальной автобиографической памятью и коллективными схемами памяти. Автобиографическая память, как уже отмечалось, формируется в постоянном обмене

с коллективными представлениями о прошлом: воспоминания индивида не просто складываются из личного опыта – они структурируются и интерпретируются через призму культурных нарративов, символических категорий и социальных сценариев. Личность творчески перерабатывает и адаптирует коллективные смыслы под индивидуальные обстоятельства и жизненный путь.

Ностальгия в рамках этого процесса переосмысления позволяет индивиду эмоционально соотносить свои воспоминания с широкой исторической рамкой. Человек, оглядываясь в прошлое, невольно оценивает себя через образы «большой истории», сравнивает личный опыт с доминирующими нарративами эпохи и тем самым обнаруживает либо точки соприкосновения, либо конфликт. В этом процессе автобиографическая память становится не только формой личного самопонимания, но и ареной для осмысления своей причастности к коллективной идентичности.

Показательно, что коллективная память не просто навязывает готовые шаблоны; она предлагает набор символических ресурсов – мифов, героев, исторических поворотных точек, – из которых человек может выбирать для конструирования своего личного нарратива. При этом выбор всегда ценностно окрашен: индивид включает в свою биографическую канву лишь те элементы, которые подтверждают или поддерживают желаемый образ «я».

Таким образом, автобиографическая и коллективная память оказываются взаимозависимыми, образуя сложное поле диалога, в котором рождается идентичность. Коллективная память дает человеку язык, символы и смысловые координаты, а индивидуальная память, в свою очередь, оживляет эти культурные паттерны, превращая их в лично значимый опыт. С одной стороны, прошлое индивида объясняется через социальные нарративы, с другой – именно субъективная память позволяет этим нарративам обрести живую эмоциональную силу и продолжаться в настоящем.

Ностальгия, действуя на стыке этих двух уровней, укрепляет связность идентичности: она помогает человеку не просто помнить отдельные факты, но видеть в них подтверждение своей принадлежности к сообществу, к определенной исторической эпохе или культурной традиции. Таким образом, индивидуальная память оказывается не замкнутой в себе, а органично вписанной в коллективное культурное поле, где прошлое каждого оказывается частью общего и в то же время остается уникальным.

Благодаря этому свойству ностальгического дискурса в процессах генерации памяти становится очевидным и характерным, что всплеск ностальгических настроений особенно заметен в периоды глобальных кризисов и социальных потрясений, когда привычная структура мира разрушается, а ощущение личной и коллективной идентичности находится под угрозой. В такие моменты человек оказывается перед лицом исторической катастрофы, ощущая экзистенциальную потерю опор, и интуитивно обращается к прошлому, чтобы восстановить чувство целостности и преемственности. Это не просто индивидуальная реакция, а массовое социальное явление, «глобальная эпидемия ностальгии как защитный механизм в период ускоренных ритмов жизни и исторических потрясений» (Бойм, 2021, с. 16). Например, в 1970-1980-е годы в США и Великобритании на фоне экономических кризисов, культурных конфликтов и ощущения утраты былой стабильности возникли мода на ретро-культуру, массовый интерес к стилю и музыке 1950-1960-х годов, а также рост популярности фильмов и сериалов с романтизацией послевоенного прошлого. Подобные волны ностальгии становятся коллективным способом вновь «переписать» прошлое, чтобы через него вернуть утраченное чувство идентичности и найти символическую опору в настоящем.

Заключение

Автобиографическая память не является сугубо личным и автономным явлением: ее конфигурация определяется культурными кодами, медийными образами и доминирующими социальными дискурсами. Ностальгия выполняет функцию «сборки» субъективного опыта в связный нарратив, который поддерживает целостность идентичности и обеспечивает ее встраивание в коллективные сценарии памяти.

В рамках настоящей работы было выявлено, что ностальгия трансформирует индивидуальное прошлое, интегрируя его в культурно значимые схемы и символические структуры, а также отмечено взаимодействие личных воспоминаний с массовыми мифологемами, которое приводит к превращению индивидуального опыта в социальный конструкт.

Проведенное исследование позволило установить, что ностальгия является не только эмоциональной реакцией субъекта на прошлое, но и продуктивным динамичным механизмом формирования индивидуальной идентичности. Она связывает персональные воспоминания с коллективными нарративами, тем самым интегрируя автобиографический опыт в культурные сценарии. В процессе этого взаимодействия ностальгия выполняет медиативную, структурирующую и компенсаторную функции. Именно ностальгия обеспечивает целостность личности, поддерживает чувство преемственности и устойчивости в условиях исторических изменений и контекстной нестабильности социума. Выявленные закономерности показывают, что ностальгия является важным инструментом культурного и личностного самоосмысления, позволяющим индивиду не только восстановить связь с прошлым, но и обрести новые основания идентичности в настоящем.

Направления дальнейших исследований видятся в расширении междисциплинарного подхода: перспективными являются обращение к феномену цифровой ностальгии, анализ визуальных и медийных практик памяти, а также изучение роли алгоритмов и платформ в конструировании повторяющихся нарративов прошлого.

Источники | References

1. Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4.
2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Бойм С. Будущее ностальгии / пер. А. Стругач. М.: Новое литературное обозрение, 2021.
4. Василевская К. Н. Функции автобиографической памяти личности // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 1-3 (43). <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.43.006>
5. Молчанова А. С. О соотношении понятий «коллективная память» и «автобиографическая память» // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования: материалы III Международ. науч.-практ. конф., Пятигорск, 11-12 апреля 2019 г.: в 2 ч. Пятигорск, 2019. Ч. 1.
6. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция – память. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
7. Нуркова В. В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: дисс. ... д. психол. н. М., 2009
8. Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Автобиографическая память / пер. с англ. Д. М. Рогозина, М. В. Рассохиной // Социологический журнал. 2002. № 2.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
10. Щедрина И. О. Автобиографическая память как когнитивный феномен // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2020. № 4 (208). <https://doi.org/10.18522/2687-0770-2020-4-38-42>
11. Brdar M., Brdar-Szabo R. Moving-Time and Moving-Ego Metaphors from a Translational and Contrastive-Linguistic Perspective // Research in Language. 2017. Vol. 15 (2).
12. Conway M. A. Autobiographical knowledge and autobiographical memories // Remembering our past: studies in autobiographical memory / ed. by D. C. Rubin. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
13. Conway M. A. Memory: Autobiographical // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Oxford: Pergamon, 2001.
14. McAdams D. P. Identity and the life story // Autobiographical memory and the construction of a narrative self: developmental and cultural perspectives. 2003. № 9.
15. Pickering M., Keightley E. The modalities of nostalgia // Current Sociology. 2006. Vol. 54 (6).
16. Sedikides C., Wildschut T., Baden D. Nostalgia: conceptual issues and existential functions // Handbook of experimental existential psychology / ed. by J. Greenberg, S. Koole, T. Pyszczynski. N. Y.: Guilford Press, 2004.
17. Wulf T., Breuer J. S., Schmitt J. B. Escaping the pandemic present: the relationship between nostalgic media use, escapism, and well-being during the COVID-19 pandemic // Psychology of Popular Media. 2022. № 11 (3). <https://doi.org/10.1037/ppm0000357>

Информация об авторах | Author information

Головань Андрей Владимирович¹

¹ Московский гуманитарный университет

Andrey Vladimirovich Golovan¹

¹ Moscow Humanitarian University

¹ Andrey.golovan33@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.09.2025; опубликовано online (published online): 31.10.2025.

Ключевые слова (keywords): ностальгия и идентичность; автобиографическая память; культурная память; коллективные нарративы; nostalgia and identity; autobiographical memory; cultural memory; collective narratives.